
Леонид Михайлович
Громов

Никакой восточной экзотики в банке не было

Окончив Московский финансовый институт по специальности «финансы и кредит», «международное валютное и финансовое право», свою банковскую деятельность я начал в Октябрьском отделении Госбанка СССР в Москве.

В 1968 году был принят на работу в Госбанк СССР, во второе (закрытое) кредитное управление. Параллельно учил иностранные языки. Был назначен заместителем начальника бюджетного управления Госбанка СССР. С зарубежными банками моя работа тогда не была связана никак.

Однажды моя замечательная начальница А. Я. Штенцова сказала: «А знаешь, ты у нас больше не работаешь! Принято решение направить тебя на практику во Внешторгбанк». Я был удивлен — все было сделано помимо меня. Практику я проходил довольно долго, так как в 1975 году произошли известные события в Лондоне и Сингапуре и практикантам долго не давали выездных виз.

Наконец месяцев через шесть я выехал в Лондон работать в Московском Народном банке. Визу дали на три месяца. Однако в последний день моего пребывания в Англии я получил постоянную визу и остался на работе в Моснарбанке еще на два года. После отъезда из Лондона Валерия Телегина исполнял (неофициально) обязанности начальника экономического отдела банка.

Моими начальниками в этот период были: вначале С. А. Шевченко, потом О. Н. Куликов.

Вернувшись в Москву, пробыл я там лишь один месяц. С 1976 года активизировал свою работу Русско-Иранский банк. В середине 70-х годов его председателем был Константин Назарович Жуков. Но развернуться он не успел, его в начале 1978 года сменил Павел Дмитриевич Николаев, которому по объективным причинам досталось уже совсем не располагавшее к активности время. Я приехал в Иран через два или три месяца после него.

Русско-Иранский банк был единственным иностранным банком в этой стране. Совместные банки с иностранным капиталом были, но они были не столь влиятельными и активными, как наш. Много было представи-

тельств, естественно, не ведущих коммерческой деятельности. Так было потому, что банки с контрольным пакетом нерезидентов в Иране по закону создавать было запрещено. Наш же банк был создан до принятия этого закона.

До Второй мировой войны это был второй по величине банк Ирана. И уступал только шахскому. Трехэтажное здание банка находилось на центральной площади, названной в честь самого шаха.

Языка фарси, приехав в Иран, я не знал, но это не доставляло серьезных трудностей. В банке «на великом и могучем» языке, то есть на русском, говорили практически все начальники отделов. Да и в Тегеране было много русскоязычных людей.

В Тегеране было достаточно много и русских. Есть даже русское кладбище, правда, священник в церкви был американец. Свою церковь имело армянское сообщество.

Большинство деловых людей в столице — носители английского языка. Изучать жизнь в стране было интересно и познавательно.

Кстати, незнание руководством местного языка не сильно осложняло работу в совзагранбанках и не увеличивало риска. И, наоборот, в Цюрихе, где все наши специалисты свободно говорили на местных языках, это не помешало воровству.

Работало в банке в мое время более 60 человек. Председатель, заместитель, главный бухгалтер и начальник валютного отдела были советскими гражданами. И вообще эта квота не превышала пяти человек. Жили мы в пригороде Зарганде, так как в Тегеране летом очень душно. Там на огромной посольской территории в предгории был наш уютный коттедж на четыре семьи. Жили мы одни, посольские коллеги приезжали туда по выходным.

Сотрудники были отличными специалистами, долго проработавшими в нашем банке. Все же начальники отделов нашего банка, местные специалисты, хорошо владели русским языком. Это были фарсы, азербайджанцы, русские, украинцы. Главный кассир Возген Аркадьевич, как и еще несколько человек в бухгалтерии, был армянином. Начальника кредитного отдела азербайджанца мальчиком 9 или 10 лет вывезли в Тегеран из Москвы, из района Серебряного Бора.

Документооборот и отчетность банка делались параллельно на фарси и русском языках. В отличие от Исфагана, где русский язык для этого не использовался. В Мос-

Л. М. Громов

1973–1976

Заместитель начальника
Управления Госбанка СССР

1976–1978

Член правления, начальник
отдела Московского Народного
банка (Лондон)

1978–1981

Член правления, начальник
валютного отдела Русско-Иранского
банка (Тегеран)

1982–1992

Заместитель начальника
объединения Внешэконом-
банка СССР

1992–1995

Председатель Правления
Объединенного банка

1996–1999

Заместитель начальника
управления ЦБ РФ

1999–2004

Начальник управления
Межгосударственного банка

кву, естественно, шла отчетность на русском. Отчет наша бухгалтерия ежеквартально посылала в Главное валютное управление Госбанка. Активной деятельности не было, и этой периодичности хватало.

Банк обслуживал внешнеторговые операции советских организаций, обеспечивали жизнедеятельность посольства, торгпредства и их инфраструктуры, но не менее 30% нашего оборота составляли коммерческие операции с резидентами страны нахождения банка, то есть иранцами, выделившими нас среди других кредитных организаций. Пять-шесть клиентов у нас было весьма крупных.

Работать нам было не сложно — основная клиентура уже сложилась за долгие годы работы. Специально ее искать не приходилось. Банк знали — мы даже никаких рекламных объявлений не делали. Разнообразие в операциях у нас не было. Кроме клиентских проводок, выдачи кредитов и очень небольшого количества валютных операций, мы ничем практически больше не занимались. Конечно, я говорю о своем времени — конце 70-х годов.

Никакой восточной экзотики в банке не было. Ежедневного намаза сотрудники не совершали. Даже после революции надевшие чадру наши сотрудницы первое время снимали ее, когда входили в здание банка. Конечно, если не работали непосредственно с клиентурой, но женщины итак не делали этого. Хотя женщины у нас были, и на достаточно высоких должностях. В частности, одна из них руководила валютным отделом. Но она была ассирийкой. Главным бухгалтером тоже была женщина. И работали дамы очень неплохо.

Недружественных соглядатаев я не помню. Наблюдающие и доносящие были, и мы их знали, но они нас успокаивали: «Хорошо, что это я сообщаю информацию куда нужно!» Люди держались за приличную работу, мы всегда находили с ними общий язык, в прямом и переносном смысле. Только после революции, когда началась быстрая инфляция, местный профсоюз решил устроить забастовку. Долго с ними вели переговоры, наконец нашли компромисс по зарплате.

Текущего в банке не было. В мой период ушли один или два человека. Так как покидали город.

Никакой политики в нашей работе мы не допускали — это не Европа и не Америка. Более того, на осторожные предложения наших соотечественников из серьезных структур, наш боевой руководитель Павел Николаев (во время Великой Отечественной войны он командовал ротой штрафников!) отвечал сообразно своему решительному характеру.

Это был удивительный человек — в Иране он пробыл с перерывами 15 лет! Впервые приехав туда еще до войны, в 1982 году он закрывал наш банк. Сказалось, наверное, то, что он не говорил ни на одном языке (кроме русского), не водил машину — для работы в европейской стране это было практически необходимо. Но человек был осторожный, грамотный, неоднократно проверенный.

Специфичного во время моей работы в Иране было не много. Только после меня в революционное время в стране решили создать шариатские банки, в которых не брали процентов по кредитам, ограничиваясь комиссией. Но они, естественно, не прижились.

Честность предпринимательская в Иране была удивительная. Купец, принося деньги, не ждал, пока их пересчитают и оформят. Он оставлял в банке чемодан и уходил. Без него деньги вынимали из тары и пересчитывали. Если оказывалось, что принесено несколько реалов лишних или сколько-то не доставало, клиенту звонили и урегулировали проблему без лишних разговоров.

А вот после революции все впервые стали закрывать машины — в стране началось мародерство. В городе оказалось много квартир покинувших страну небедных иранцев. В них начали залезать грабители, что при шахе было нетипично. С ними боролись. Мне рассказывали, что у стены дома расстреляли группу мародеров, пойманную с поличным. При этом один из грабителей оказался чуть ли не известным спортсменом.

Был период, когда нам приходилось возить документы в посольство практически ежедневно, банк поджигали. Неприятно, и когда дорогу твоего автомобиля преграждают горящие троллейбусы. Однажды я ехал домой более шести часов, хотя в нормальное время дорога составляла лишь полчаса.

Все контролирующие организации относились к нам очень лояльно. Во время моего пребывания в стране не было ни одной официальной проверки банка. Отчетность регулярно (один раз в три месяца) сдавали в Центральный банк Ирана, и этим ограничивалось наше рабочее взаимодействие с ним. Кстати, за это время и советского аудита не было ни одного — в страну тогда был затруднен въезд.

После революции вышел закон, сделавший нашу деятельность в стране невозможной. Все иностранные доли в банках подлежали выкупу государством. Русско-Иранский банк начал сворачивать свою деятельность, закрывая договора с клиентами.

Иранские коллеги подчеркивали при этом, что никаких претензий к нам у них нет — мы хорошо работаем, но закон есть закон. Так что расставались по-доброму¹.

После исламской революции 1979 г. банковская система Ирана подверглась реорганизации. Все частные банки были национализированы, а сеть филиалов и представительств иностранных банков ликвидирована. Была создана новая банковская система, представленная несколькими

¹ Следует отметить, что в банковской сфере происходят принципиальные изменения. В 2001 году впервые после исламской революции 1979 г. в Иране были открыты два частных банка — Банк New Economy (новая экономика) и Банк Parsian (персидский), а в 2006 году был дан «зеленый свет» на открытие в стране филиалов банков некоторых арабских стран, в частности ОАЭ и Бахрейна (прим. авт.-сост.).

ми крупными банками общегосударственного значения, обширной сетью их отделений и провинциальными банками.

Правовыми документами, определяющими принципы построения и функционирования иранской банковской системы, являются «Закон о банковской деятельности на основе исламских принципов, запрещающих ростовщичество в любых формах», принятый в 1983 г., и Конституция Ирана (гл. 4 «Экономика и финансы»). Данная нормативно-правовая база предопределяет существенную специфику банковской системы Ирана и ее отличие от общепринятых стандартов. К главным особенностям следует отнести жесткий контроль за деятельностью банков со стороны государства, запрет на создание частных банков и на один из основополагающих принципов банковского кредитования — платность. Последнее обстоятельство вынуждает банки заменять банковский процент различными льготами, премиями, бонусами.

Iran.News

Из Москвы тогда приехала правительственная комиссия, во главе которой стоял зампред Внешторгбанка. И она с уполномоченными структурами Ирана оговорила процесс завершения работы нашего банка. Мы после этого не проводили уже активных операций, хотя обслуживанием советских структур продолжали заниматься.

Еще один факт, характеризующий честность иранцев. Клиент еще до этих событий, взял кредит на строительство ликероводочного завода. Работа была завершена, он даже завез советские пол-литровые бутылки для разлива «Столичной». И тут революция, пришла новая власть, не поощрявшая его планы. Завод разгромили. Покрывать кредит клиент планировал, продавая готовую продукцию. Чистый форс-мажор. Тем не менее, и он полностью рассчитался со своим долгом. Приносил буквально по риалам, но закрыл кредит.

В том числе в результате такого отношения иранцев к долгам банк закрылся без потерь.

В революционный период нас, советских, осталось только трое, и пришлось заниматься всем, вплоть до кредитования, в конце срока командирования я на три месяца даже попал в Исфаганское отделение — исполнял обязанности управляющего. Дело было так: послали одного из наших заместителей, но он отпросился в отпуск, заменить его послали в Исфаган меня. На месяц. После отпуска управляющий отказался переезжать. Только через два месяца вытолкали его из Тегерана, мне на смену!

Иран я покидал через восемь месяцев после падения шаха. Покидал не без сожаления — за небольшое время пребывания, даже не в самый спокойный период его истории, я успел полюбить эту страну и ее народ.

После Ирана я вернулся во Внешторгбанк и за рубеж уже ездил только в краткосрочные командировки. В 80-е годы был четыре месяца на практике в Ost-West Handelsbank (OWHB) во Франкфурте-на-Майне. Его возглавлял тогда Валерий Васильевич Люльчев. Хороший был человек, жалко было, когда он недавно умер. Его сын сейчас работает в Дизетбанке в Германии — одном из крупнейших кооперативных банков Германии.

В новый период развития банковской системы мне пришлось создавать Объединенный банк¹.

¹ Акционерный коммерческий банк «Объединенный банк» зарегистрировал свой устав в ЦБ РФ 2 января 1992 года. Банковская лицензия под №1703 была получена 30 апреля 1992 года. Учредителями банка стали АО «АвтоВАЗ» (20% акций), АО «ЛогоВАЗ» (30% акций), «АвтоВАЗбанк» (15% акций). А также компания «Форус-Холдинг С.А. из Люксембурга (30% акций) и ТОО «Атолл-Лтд.» (5% акций). Л. М. Громов был инициатором создания банка и его председателем правления со дня его основания до 1995 года (*прим. авт.-сост.*).

